

ИЗ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

О. С. НАГОРНАЯ

ГУМАНИТАРНЫЕ УСТРЕМЛЕНИЯ НА ПЕПЕЛИЩЕ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО ОПЫТА РЕПАТРИАЦИИ ВОЕННОПЛЕННЫХ

На примере репатриации военнопленных Восточного фронта Великой войны в статье анализируется специфика транснациональной переработки опыта первой индустриальной войны: развитие идейного потенциала, норм и институтов международного гуманитарного права, трансформация наднациональных благотворительных организаций, закрепление новых дипломатических практик, появление особого типа международных посредников, которые в совокупности ознаменовали рождение современного международного гуманитарного дискурса.

Ключевые слова: *Первая мировая война, международное гуманитарное право, репатриация военнопленных, транснациональная история, история идей, история международных организаций.*

Знаковые даты крупных исторических событий являются поводом не только для публичных мемориальных мероприятий, но и для критической оценки состояния научного ландшафта. В истории изучения Первой мировой войны ключевым стал 1994 год, когда в мировой историографии проявились результаты антропологического поворота – внимание к индивиду, его переживаниям позволило наметить новый огромный пласт изучения конфликта. Продуктивного запала хватило на 20 лет – теперь мы знаем Великую войну совершенно с другой стороны, включая ее субъективное, эмоциональное и гендерное измерение. Несмотря на то, что эти исследовательские поля себя далеко еще не исчерпали (особенно это касается российского материала), 2014 год стал поводом для ревизии подходов и достижений, а также для оценки возможных направлений дальнейшего изучения. Обзор уже состоявшихся научных форумов и публичных мероприятий свидетельствует, что современные структуры коллективной памяти о Первой мировой войне демонстрируют национально концентрированный характер. Напротив, и здесь мы видим определенный диссонанс, в современной исторической науке в рамках стремительно развивающегося направления глобальной истории предпринимаются интересные и плодотворные усилия по преодолению этой сугубо национальной концентрации. В транснациональном ракурсе исследовательская формула Джорджа Ф.

Кеннана «Первая мировая война как катастрофа, породившая столетие», переживает сегодня своеобразное перерождение, поставив вопрос, какой опыт, выраженный в нормах, институтах и практиках, мировое общество перерабатывало и усваивало в послевоенный период.

Как известно, Великая война породила мощные, невиданные доселе миграционные потоки: не только солдаты регулярных армий, но и беженцы, депортированные, эвакуированные насильно вырывались из привычных жизненных миров и помещались в совершенно иной контекст, пересекая довоенные границы государств в различных направлениях, оказываясь в тех странах, о которых до войны они имели смутное представление. Одной из наиболее многочисленных категорий стали военнопленные армий воюющих сторон, в массовом порядке оказавшиеся к моменту окончания войны во враждебных странах. При этом для многих из них, прежде всего это касается Восточного фронта, понятие родной страны просто перестало существовать – многонациональные империи рухнули под натиском первой индустриальной войны. Де факто солдаты и офицеры в лагерях превратились в граждан без государства, де юре их положение вообще не было определено – международная правовая категория «лицо без гражданства» появилась значительно позже. Сформированное в довоенный и военный период правовое пространство, предполагавшее организованный порядок возвращения военнопленных сразу же по окончании военных действий, превратилось в нормативный вакуум, в котором были вынуждены двигаться не только сами актеры, но и лица, оказавшиеся у власти и в победивших, и в проигравших странах. Стоит оговориться, возвращение многомиллионной массы военнопленных Восточного фронта «домой» в ситуации европейской гражданской войны превратилось по сути дела в гуманитарную катастрофу¹, одновременно став и одной из ключевых вех развития гуманитарного права и гуманитарных институтов: в хаосе импровизации вырабатывались новые нормы и институты международного гуманитарного и национального права, отшлифовывались новые дипломатические и организационные практики, пробовали себя актеры, сыгравшие значимую роль в преддверии грядущего вооруженного противостояния.

* * *

Благодаря особому характеру ведения военных действий Восточный фронт Первой мировой войны стал выражением массовости феномена военного плена. Как известно, из 60 млн комбатантов 8 млн оказались за колючей проволокой, большинство из них были гражданами

¹ Подробнее см.: *Oltmer*. 2006; *Нагорная*. 2008.

воевавших на Востоке традиционных империй: России, Германии, Австро-Венгрии, Турции. Досрочное окончание войны на Восточном фронте не принесло многомиллионной массе военнопленных быстрого освобождения и столь желанного возвращения на родину. После окончания военных действий они превратились в козырную карту и жертву в игре противоборствующих сторон (большевиков, контрреволюционных правительств, Центральных держав и стран Антанты), стремившихся использовать их для достижения собственных целей в установлении нового миропорядка. Борьба интересов, транспортный коллапс и советско-польская война затянули репатриацию на Востоке вплоть до 1922/23 г. Дипломатическая и политическая точка в этой акции была поставлена Рапалльским соглашением, в котором стороны констатировали завершение эвакуационных мероприятий и отказывались от взаимных претензий за содержание вражеских военнопленных.

В качестве основополагающих факторов в анализируемом процессе репатриации следует отметить подвижность государственных границ и неопределенность властных структур на отдельных территориях, разрушение институтов гражданства, устаревший характер прежних и отсутствие адекватных новых правовых и институциональных рамок, импровизационный характер миграционной политики, значимость идеологической и политической пропаганды, разрушение устойчивых экономических и политических связей.

Отсутствие адекватных санкций за нарушение норм довоенного международного права на случай войны привело к тому, что все стороны использовали безоружных солдат и офицеров противника в качестве заложников и инструмента давления, задерживали их под любым предлогом после окончания военных действий как дешевую рабочую силу, целенаправленно и часто насильственно вовлекали в вооруженные формирования, участвующие в гражданских войнах². Причем данные мероприятия были характерны не только для проигравших стран, но и для победивших стран Антанты, к примеру, для Франции. В целом, опыт использования дешевой рабочей силы, приобретенный в рамках содержания военнопленных в ходе войны и закрепленный во время репатриации, стал неотъемлемой частью миграционной политики практически всех государств. Социальная политика и мероприятия реабилитации возвращающихся из плена солдат и офицеров также носили импровизационный и противоречивый характер. Нарботанные в ходе стихийной и организованной репатриации нормы распространялись впоследствии на

² Подробнее см.: *Nachtigal*. 2005.

другие социальные группы. При этом на примере Советской России и Германии можно проследить заимствование опыта, включая правовые определения, практику мероприятий и медицинские новации³.

Анализ соглашений, оформленных в рамках репатриации, позволяет говорить о том, что необходимость возвращения военнопленных на родину стимулировала стороны к достижению договоренностей вне рамок традиционной дипломатии и иногда идеологически нежелательных для конкретных правительств. К примеру, задолго до дипломатического признания Советской России в качестве государства Великобритания и Франция были вынуждены подписать с ней соглашения о порядке возвращения отдельных групп военнопленных, находящихся на вверенных им территориях⁴. В свою очередь, представители новой власти в Советской России, несмотря на острый характер военного противостояния, развернувшегося на востоке бывшей империи, вступили в переговоры с колчаковским правительством о пропуске возвращающихся военнопленных в Сибирь⁵, ибо скопление их на линии фронта грозило социальным и политическим взрывом.

Феноменальным по своей сути является признанный в соглашениях, заключенных между правительствами отдельных стран и наднациональными организациями, добровольный характер репатриации: военнопленные могли вернуться на родину только по своему желанию. С разрешения взявшей их в плен страны, они получали возможность остаться на ее территории или отправиться в любое другое государство, согласное их принять. По сути, мы наблюдаем здесь обусловленное политическим целеполаганием сторон распространение принципов самоопределения народов на отдельного индивида. Понятно, что разные причины, например, нежелание создавать конкуренцию на рынке труда местному населению или антибольшевистская истерия, помешали последовательному воплощению этой правовой нормы. Но даже ее частичная реализация по отношению к русским военнопленным привела к значительному пополнению эмигрантских колоний в разных странах мира: от Германии и Франции до Китая, США, Аргентины, а также к возникновению процесса культурного трансфера в этих странах.

На примере процесса репатриации наглядно проявляется поворот в дипломатической практике от классических устоев кабинетной дипломатии к формированию более сложного поля с нетрадиционными ин-

³ См.: *Нагорная*. 2010. С. 353–354.

⁴ Там же. С. 93.

⁵ Там же. С. 340.

ститутами, подходами и деятелями. Окончание войны на Восточном фронте стало гротескным столкновением классической дипломатии как среды приложения сил наследственной аристократии, облеченной в жесткую форму соблюдения протокола мероприятий, с потребностями момента⁶. В сфере репатриации военнопленных универсальных доселе офицеров и дипломатов быстро сменили профессиональные революционеры, узкие специалисты или бывшие пленные, знакомые со спецификой лагерной жизни и организацией транспортировки.

Помимо смены лиц и традиций стоит отметить еще ряд примечательных тенденций: правовой и институциональный вакуум, в котором развивалась репатриация, способствовал повышению роли небольших нейтральных государств в качестве посредников между непримиримыми крупными противниками в целях предотвращения гуманитарных катастроф. К примеру, несмотря на установление дипломатических отношений между Советской Россией и Германией, положение военнопленных на территории Сибири, находившихся под властью антибольшевистских сил, контролировалось шведскими и датскими миссиями Красного Креста, местом массового скопления интернированных всех стран стали нейтральные Швейцария, Норвегия и Дания. Заинтересованность мировых держав в судьбе своих подданных привела к постепенной выработке механизмов международного посредничества, проявивших себя в полной мере уже в будущих конфликтах.

В рамках экспериментального поля репатриации возрастает значимость Международного комитета Красного креста. Как известно, гуманистические устремления данной организации в ходе Первой мировой войны во многом потерпели провал – национальные общества приобрели в угаре патриотического подъема роль проводника государственных интересов, утратив во многом свою первоначальную миссию⁷. Однако непосредственно после окончания войны этот дисбаланс удаётся несколько исправить: основание Лиги краснокрестных обществ, плодотворные усилия в работе с жертвами войны и ее последствий, сотрудничество с Лигой наций превратили Красный Крест в равного партнера с дипломатическими представительствами национальных государств. Ярким примером смены статуса становится важнейшая для развития международного гуманитарного права Женевская конференция 1929 г., где Красному Кресту дается право совещательного голоса⁸.

⁶ См.: *Schattenberg*. 2011.

⁷ Подробнее см.: *Hinz*. 2006. S. 216–236.

⁸ *Ebenda*.

Репатриация многомиллионной массы военнопленных способствовала формированию новых норм, институтов и организаций гуманитарного права. Наиболее яркий пример – создание Комитета помощи Фритьофа Нансена, трансформировавшегося со временем в институт Верховного комиссара Лиги наций по делам беженцев. В напряженной ситуации в Центральной и Восточной Европе после окончания войны и советско-польского конфликта он становится важнейшей посреднической инстанцией в вопросах содержания и отправки военнопленных, взяв на себя снабжение столь дефицитным в Германии и России топливом, а также переговоры с агрессивно настроенными к обеим странам Польшей и прибалтийскими государствами. Под знаменем МККК и Комиссариата Лиги наций в Центральной и Восточной Европе было репатрировано более 400 тыс. бывших пленных⁹. При этом для транспортировки военнопленных используется тоннаж бывшего германского флота, оказавшегося по условиям Версальского мирного договора в юрисдикции Англии¹⁰. Без посредничества транснациональных структур подобные совместные действия бывших противников были бы невозможны. Опыт работы с оказавшимися в условиях отсутствия юридической и материальной поддержки родины массами военнопленных способствовал выработке новых юридических практик – появлению нансеновского паспорта, признаваемого в качестве документа в 50-ти странах и предоставлявшего для граждан, лишившихся своего государства, уникальную возможность легального пересечения границ и трудоустройства.

Практика привлечения благотворительных организаций к осуществлению репатриации и их работа вне политических границ была распространена впоследствии и на другие кризисные зоны межвоенного периода. Так, структурный и практический опыт работы американских организаций помощи в ситуации гуманитарной катастрофы в немецких лагерях военнопленных в 1919 г.¹¹, наладивших там поставки и распределение продовольствия, сыграл значительную роль в голодающих районах Советской России. Около половины сотрудников Американской администрации помощи, оказавшей в рамках договоренностей с советским правительством масштабную помощь на Урале, работали ранее в ведомстве Герберта Гувера в Европе сразу после окончания войны. Именно этот опыт оказался ключевым фактором относительного успеха американского предприятия в Советской России в целом¹².

⁹ Willis. 1951. P. 62.

¹⁰ См.: *Нагорная*. 2010. С. 95–96.

¹¹ См.: Willis. 1951.

¹² См.: *Хмелевская*. 2007.

В рамках репатриации проявляется новая волна общественных и политических деятелей, сфера активности которых и их аффилиация с внациональными организациями однозначно позволяют характеризовать их как новое поколение транснациональных акторов – особых представителей международной общественности, которые вне традиционных дипломатических рамок пересекают границы и выполняют функции медиаторов. Таков, к примеру, Моритц Шлезингер – первоначально сотрудник лагеря для русских военнопленных Деберлиц, а с 1918 г. глава германского ведомства по делам гражданско- и военнопленных. Опыт работы по репатриации военнопленных и налаженные контакты позволили ему не только квалифицироваться в качестве консультанта Внешнеполитического ведомства по экономическим связям с Советской Россией, в должности которого он находился вплоть до 1933 г., но и работать в наднациональных структурах временным представителем Лиги наций по вопросам беженцев¹³. К этой же когорте относится и Густав Хильгер, в период отсутствия официальных отношений игравший роль посредника между Берлином и Москвой и одновременно выполнявший поручения комитета помощи Нансена. Несмотря на отсутствие доступа советских деятелей в новые наднациональные организации (Лигу наций), к фигурам нового типа можно отнести и советского представителя в Берлине Виктора Коппа. Особое место в этом ряду занимает Эльза Брендстрем – феномен военного и межвоенного периода. Как представительница Шведского Красного Креста она не только внесла огромный вклад в функционирование структур поддержки военнопленных Центральных держав в Сибири, включая процесс репатриации, но и благодаря своим поездкам с докладами по странам Европы и США, способствовала фокусированию внимания международной общественности на необходимости правовой защиты военнопленных, беженцев и их детей в случае будущего конфликта. Неслучайно, именно вокруг нее как символа гуманитарных устремлений формируется деятельность общественных союзов бывших военнопленных разных стран.

Их сфера активности также носит транснациональный характер: многочисленные союзы пленных в целях улучшения своего социального статуса стремились институционально закрепить совместные интересы и установить контакты с носителями опыта плена других национальностей. Активно в эту деятельность оказались вовлечены и бывшие русские пленные, оставшиеся в эмиграции, а также французы, англичане, немцы,

¹³ См.: *Schlesinger*. 1977.

австрийцы. Взывая к своему трагичному опыту в публикациях и петициях под лозунгом «Мы все – жертвы войны», бывшие военнопленные разных стран принимали активное участие в лоббировании пересмотра существующего международного права, а также выступили с инициативой создания Голубого креста – организации, которая бы в случае войны заботилась непосредственно о военнопленных¹⁴. В том числе благодаря их усилиям в текст Женевской конвенции 1929 г. вошли уже 97 статей, детально и адекватно регулирующих условия содержания военнопленных.

Изучение транснационального уровня переработки опыта Великой войны уводит нас от глорификации ее национального измерения, поиска виновников и патриотических акций к пониманию этого конфликта как человеческой трагедии, породившей экстремальное столетие, но и попытки международной общественности ограничить размах тотальной войны и способствовать закреплению гуманитарного дискурса в политической практике.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Hinz U.* Humanität im Krieg? Internationales Rotes Kreuz und Kriegsgefangenenhilfe im Ersten Weltkrieg // *Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkriegs* / hg. von J. Oltmer. Paderborn: Schöningh, 2006. S. 216–236.
- Leidinger H., Moritz V.* Der Sinn der Erfahrung. Gedanken über den Umgang mit Selbstzeugnissen ehemaliger Kriegsgefangener des Ersten Weltkrieges // *Leidinger H., Moritz V.* (Hg.) *In russischer Gefangenschaft. Erlebnisse österreichischer Soldaten im Ersten Weltkrieg*. Boehlau, 2008. S. 1–34.
- Nachtigal R.* Kriegsgefangenschaft an der Ostfront 1914–1918. Literaturbericht zu einem neuen Forschungsfeld. Frankfurt am M.: Lang, 2005.
- Oltmer J.* Repatriierungspolitik im Spannungsfeld von Antibolschewismus, Asylgewährung und Arbeitsmarktentwicklung. *Kriegsgefangene in Deutschland. 1918–1922* // Oltmer J. (Hg.) *Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkriegs*. Paderborn: Schöningh, 2006. S. 267–294.
- Schattenberg S.* 1918 – Die Neuerfindung der Diplomatie und die Friedensverhandlungen in Brest-Litovsk // *Stadelmann M., Antipow L.* (Hg.) *Schlüsseljahre. Zentrale Konstellationen der mittel- und osteuropäische Geschichte*. Stuttgart, 2011. S. 273–293.
- Schlesinger M.* *Erinnerungen eines Außenseiters im diplomatischen Dienst*. Köln: Verl. Wiss. u. Politik, 1977.
- Willis E.F.* *Herbert Hoover and the Russian prisoners of World War I. A Study in Diplomacy and Relief, 1918–1919*. Stanford: Univ. Press, 1951.
- Нагорная О.* «Эвакуация в том виде, в котором она существует, губительна для военнопленных и опасна для государства»: советская практика репатриации русских военнопленных Первой мировой войны // *Вестник Челябинского государственного университета*, 2008. 15 (116). История. Вып. 24. С. 55–62.

¹⁴ *Leidinger, Moritz*. 2008. S. 34.

Нагорная О. Другой военный опыт. Российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914-1922 гг.). М.: Новый Хронограф, 2010. С. 353–354.

Хмелевская Ю.Ю. «Как в завоеванной стране»: американский опыт Первой мировой войны в битве с голодом в Советской России (1921-1923) // Опыт мировых войн в истории России / под ред. И.Нарского и др. Челябинск: Каменный пояс, 2007. С. 553–577.

Нагорная Оксана Сергеевна, доктор исторических наук, проректор Южно-Уральского института управления и экономики; nagornja.oxana@mail.ru